

Научная статья

УДК 159.9.072

doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

Психодиагностика и критерии дифференцированного подхода в пенитенциарной психологии

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА СОБЧИК

Институт прикладной психологии, Москва, Россия, luniso@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-5915>

Реферат

Введение: проблема выявления агрессивности и криминальных наклонностей остается актуальной в современной пенитенциарной науке. Многие практические психологи используют методы диагностики уже много лет, но теоретических работ в области психологии личности преступника пока мало. В статье автор делится своим опытом изучения личностных характеристик осужденных в процессе определения степени агрессивных проявлений и антисоциальной направленности. *Цель:* описание ряда психодиагностических методик, позволяющих выявить личностные особенности у различных групп осужденных, предложение психодиагностических критериев, позволяющих отличить контингент криминально настроенных осужденных от неагрессивных. *Результаты и обсуждение:* гуманизация пенитенциарной системы требует применения педагогических мер по отношению к надзирающему составу кадров ФСИН России. В помощь психологам на основании изученных референтных групп разработан комплекс компьютеризированных методик, позволяющих определить выраженность индивидуальной агрессивности и способность самоконтроля в служебных ситуациях. *Вывод:* автор на основе многолетнего опыта работы предлагает психодиагностические критерии, которые помогут психологам и педагогам осуществить дифференцированный подход к отбывающим наказание и применить его в целях повышения исправительной функции системы исполнения наказаний.

Ключевые слова: методы психологической диагностики; гуманизация; личность; патология; акцентуация; исправительная функция; педагог.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Собчик Л. Н. Психодиагностика и критерии дифференцированного подхода в пенитенциарной психологии // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 83–93. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010.

Original article

Psychodiagnostics and Differentiated Approach Criteria in Penitentiary Psychology

LYUDMILA N. SOBCHIK

Institute of Applied Psychology, Moscow, Russia, luniso@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-5915>

© Собчик Л. Н., 2024

Abstract

Introduction: the problem of identifying aggressiveness and criminal inclinations remains relevant in modern penitentiary science. Many psychologists have been using psychological diagnostic methods for many years, however, the number of works in the field of criminal personality psychology is insufficient. The author presents her own experience of studying personal characteristics of convicts in the process of determining the degree of aggressive manifestations and antisocial orientation. *Purpose:* description of a number of psychodiagnostic techniques that allow identifying personality traits in various groups of offenders, determination of psychodiagnostic criteria to distinguish the contingent of criminally inclined offenders from non-aggressive and non-antisocial ones. *Results and discussion:* humanization of the penitentiary system requires application of pedagogical measures in relation to the supervisory staff of the Federal Penitentiary Service. Based on the studied reference groups, the author has developed a set of computerized techniques to determine the severity of individual aggressiveness and the ability of its self-control in office situations. *Conclusion:* relying on many-year experience, the author proposes psychodiagnostic criteria that will help psychologists and educators to implement a differentiated approach to those serving sentences, thus improving the correctional function of the penitentiary system.

Key words: psychological diagnosis methods; humanization; personality; pathology; accentuation; correctional function; teacher.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 83–93. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010.

Введение

Сфера изучения личностных особенностей спецконтингента с преступным поведением, антисоциальными формами проявления агрессивности является важнейшим аспектом исследовательского направления пенитенциарной науки [1–4]. Внимание, которое вызвали более ранние публикации о криминальных наклонностях [5–7], побудило нас подробно изложить психологические критерии противоправной агрессивности. Эта тема представляется важной, поскольку число психологов, применяющих психодиагностику в своей научно-исследовательской и практической работе (психолого-психиатрическая экспертиза), значительно возросло [8].

Многолетнее изучение личностных свойств, мотивации, специфики сферы межличностных отношений, последствий выявленной социальной дезадаптации и искажения когнитивных конструктов, сотрудничество с Институтом предупреждения преступности (А. Р. Ратинов [9], С. Н. Ениколопов [10], психологическая лаборатория ГНЦССП им. В. П. Сербского) показали, что психодиагностика привносит важный дополнительный материал, заслуживающий серьезного внимания со стороны психологов, юристов, социологов, профайлеров-полиграфистов, психиатров и правозащитных органов государства.

В первую очередь необходимо понять, что дает психодиагностика, если рассматривать саму проблему преступления с точки зрения личности. Есть ли такое явление, как личность преступника? Может ли быть генетически унаследована пре-диспозиция к антисоциальному, разрушительному, агрессивному поведению, а если может, то как ее диагностировать? Все ли равны пред законом? Должны ли правозащитные органы и сотрудники ФСИН России развивать дифференцированный подход к режиму и условиям содержания лиц, подлежащих заключению в местах отбывания наказания?

Методы и цели исследования

Исследования на разных группах осужденных проводилось с помощью наиболее эффективных методов психологической диагностики и их компьютеризированных версий, разработанных и адаптированных автором статьи [11–15]. Это стандартизированный метод многофакторного исследования личности (СМИЛ) [16; 17], ММП [18–20]), индивидуально-типологический опросник (ИТО) [21], цветовой тест МЦВ (модификация теста М. Люшера [22]), вербальный фрустрационный тест (ВФТ) [18; 23], метод портретных выборов (МПВ) [24] (модификация теста Л. Сонди), рисованный апперцептивный тест (РАТ) [25] (адаптированный), тест Роршаха [26]. Исследование проводилось в Институте предупреждения преступности и на материалах психолого-психиатрических экспертиз, которые проводились в 1980–2008 гг. в НМИЦПН (ГНЦССП) им. В. П. Сербского. Поскольку психологи в большинстве своем знакомы с этими методиками и применяют их в своей практической и научно-исследовательской работе, мы рассмотрим психодиагностические критерии, позволяющие отграничить контингент криминально настроенных преступников от неагрессивных, не имеющих антисоциальной направленности, преимущественно молодых осужденных, к которым могут быть успешно применены педагогические меры исправительного характера.

Результаты исследования показали, что в основе большинства преступлений лежит высокий уровень агрессивности. Как психологический феномен агрессия – это всего лишь высвобожденная активность, направленная на самоутверждение и достижение эгоцентрической цели. Спровоцирована она окружающими или спонтанна, контролируется ли она рассудком, или рассудок отступает и даже оправдывает агрессию? Она может вспыхивать в ответ на задетое кем-то самолюбие или на угрозу собственной жиз-

ни, но может подпитываться надуманными обидами и подозрениями, может лежать в основе корыстных поступков, когда, скажем, присвоение чужой собственности совершается путем жестокой расправы над жертвой.

Рассмотрим критерии разграничения и дифференцированного подхода к правонарушителям.

Как показывают данные психодиагностического исследования разных групп правонарушителей, особо опасной является агрессивность при психопатологии (шизофрения, алкоголизм, органическое поражение ЦНС, эпилепсия). У психически больных агрессия брутальна, то есть *не корригируема социальными и психотерапевтическими методами*, с трудом поддается смягчению лечебно-медицинскими средствами. В контексте дифференциально-диагностического исследования она четко выявляется данными психодиагностического тестирования: высокими пиками по 6-й (враждебность), 8-й (иррациональность) и 4-й (спонтанность) шкалам СМЛ, по данным самой высокой 3-й шкалой (агрессивность) теста ИТО, избыточным фактором s+!!! (садизм, склонность к жестокости, насилию) по методу портретных выборов (тест Сонди), оппозиционными ответами S (садизм) по тесту Роршаха, преобладанием внешне-обвиняющей реакции по данным вербального фрустрационного теста, цветовым рядом теста МЦВ с 7-м эталоном на I позиции в сочетании с 3-м стоящим на одной из первых или на самой последней позиции (3 7 5 4 6 1 0 2 или 7 5 4 6 1 0 2 3).

Проявление повышенной агрессивности в судебно-экспертной практике часто наблюдается у психопатических личностей круга возбудимых, эксплозивных, импульсивных, а также у паранойяльных и эпилептоидных личностей. У психопатической личности признаки слабо интегрированного «Я» и эмоциональной незрелости проявляются низким контролем сознания над эмоциями. В первую очередь поведение диктуется сиюминутными желаниями, в иерархии ценностей преобладает ориентировка на реализацию эгоистических потребностей, тенденция к доминированию и самоутверждению зиждется на болезненно заостренном самолюбии. Эго-защитный тип реагирования – внешне-обвиняющий. Общим для психопатических паттернов является рисунок профиля СМЛ с заметным преобладанием шкал «сильного» регистра – импульсивности, ригидности, пониженной критичности в связи с завышенной самооценкой (4-й, 6-й и 9-й шкал) при низких показателях 2-й (фактор, ограничивающий спонтанность), 7-й (тревожность как признак осторожности и страха перед наказанием) и 0-й (шкала ограничения общительности). В МЦВ на первых позициях выявляются наиболее яркие цветовые эталоны вперемежку с ахроматическим, чаще всего 7-м, цветом (реакция противопоставления своего «Я» социуму). По данным МПВ (Сонди) характерны реакции жестокости s+!, e-!, истерическое сужение сознания hu0, kOp+! или избыточное самоутверждение k+!p+!, черты гипертимного реагирования d+m-! при выраженности субъектив-

ного одиночества. По данным теста Роршах наблюдается высокий процент ответов с хорошей формой, но множество С (цветовых) ответов выявляет избыточную эмоциональность; мало цвето-формовых, то есть таких, где образ четкий, хотя и связан с цветом (признак упорядоченного мышления). Может встречаться хаотичная сукцессия (последовательность), много оппозиционных ответов S, больше ответов Dd, чем W, увеличение по сравнению с нормой образов животных и растений, M < C (экстра-тензивный, то есть правополушарный тип реагирования). По данным РАТ фиксируется идентификация с агрессивными персонажами сюжета (в частности, по 6-й картинке).

У возбудимых и импульсивных психопатических личностей преобладают характеристики неустойчивости – пики по 4-й и 9-й шкалам в профиле СМЛ, не столь наглядны показатели агрессивности и оппозиционности по другим данным, жесткость и ригидность выражены слабее, чем у взрывных и эпилептоидных психопатических личностей, у которых в профиле СМЛ доминируют пики по 6-й и 8-й шкалам (иррациональность агрессивных вспышек). Однако в спокойном состоянии, когда когнитивная сфера не захвачена эмоциями и эмоции не доминируют в состоянии, мышление психопатической личности находится в достаточно упорядоченном состоянии, агрессивность в поведении не доминирует.

Что касается противоправного поведения у лиц со склонностью к сексуальному насилию, то среди них наибольшую опасность представляют лица с патологией влечения. При этом наряду с жестокими, потерявшими всякие моральные установки насильниками и маньяками (с паранойяльной идеей, создающей криминальную установку), встречаются лица профессионально успешные с сохраненным интеллектом, у которых алкогольное опьянение или наркотики провоцируют противоправное поведение.

Случаи скрытой тенденции к извращениям и насилию у лиц, не вызывавших в своем окружении каких-либо опасений, могут служить камнем преткновения для самых опытных следователей и представлять большие трудности по изоляции преступников, когда насилие и убийство совершаются под воздействием алкоголя или наркотиков. Например, обследуемый А-в, 45 лет, образование – высшее техническое, в прошлом – нераскрытое преступление (сексуальное насилие в извращенной форме с последующим убийством – удушением жертвы), в дальнейшем – брак с женщиной, которая знала о патологии влечения А-ва, но успешно контролировала его в течение многих лет. И все же спустя десять лет, в состоянии алкогольного опьянения, А-в вновь совершил аналогичное преступление. Экспериментально-психологическое обследование обнаружило сохранность мышления, высокий уровень обобщения, четкость восприятия, хорошую память, богатство ассоциаций без отрыва от реальности. Словом, никаких нарушений в сфере мыслительных функций обнаружено не было. Обследуемый критически оценивал содеянное, понимал степень своей ответственности, не находил никако-

го оправдания себе, кроме того, что «в тот момент не владел собой», то есть не мог обуздать непреодолимое влечение. Профиль СМИЛ с высокими (выше 90Т) пиками по 6-й и 8-й шкалам при «утопленной» 2-й и повышенных 1-й и 4-й свидетельствовал о том, что испытуемый переживает свое состояние как некую болезненную одержимость, противиться которой не в его силах. По данным теста Роршаха: имеем обилие сексуальных ассоциаций при достаточно высоком и сохранном интеллекте, сниженный самоконтроль при аффективной насыщенности переживаний и ситуативно обусловленном повышении уровня тревожности, что говорит о парциальном нарушении в сфере сексуального влечения. При этом злоупотребления алкоголем не отмечено, так же как не выявлено сколько-нибудь заметного снижения профессиональных навыков (А-в на работе характеризуется как успешный сотрудник конструкторской лаборатории одного из ведущих НИИ). В беседе с этим человеком психолог не увидит черт насильника и преступника. Он и сам вне воздействия алкоголя не видит в себе патологических наклонностей. Но прием алкоголя, который снимает блокировку императивного влечения к насилию, приводит к растормаживанию сексуального инстинкта и снимает блокаду нравственных запретов. Состояние одержимости делает человека неподвластным своей воле и нравственным установкам, что и приводит к преступлению.

Личности с патологически заостренным истероэпилептоидным радикалом отличаются профилем СМИЛ, в котором ведущими (выше 80Т) являются пики по 3-й (истероидные черты), 4-й (импульсивность), 6-й (соперничество и враждебность) и 8-й (ослабление инстинкта самосохранения и иррациональность) шкалам при низкой 2-й (сдерживание импульсивности) и 7-й (тревожность и осторожность), что характерно для психопатов, склонных к самовзвинчиванию. Склонность к соперничеству и ревнивым подозрениям легко перерастает в параноидную концепцию с выраженной агрессией. Ситуация, задевающая их самолюбие, занижающая самооценку, вызывает сужение сознания и ослабление самоконтроля над эмоциями, что формирует аффективную вспышку, чреватую антисоциальным поведением, агрессивными разрушительными акциями вплоть до убийства (чаще всего на почве соперничества или ревности).

Приведенные выше психодиагностические показатели, максимально выраженные в рамках психопатий, несколько слабее намечены у акцентуированной личности, в то время как при патологических расстройствах на эндогенной или органической почве с выраженной дезинтеграцией личности они избыточны. Между показателями, отражающими характерологические особенности лиц психической нормы, и психопатическими проявлениями существует целый ряд переходных личностных рисунков, но все же можно провести дифференциацию между уже патологическим паттерном девиантной личности и нормой, но с наметившимися чертами неуравновешенности с

помощью количественных показателей психодиагностических тестов. Однако при этом необходимо также учитывать влияние окружающей среды и силу воздействия конкретной ситуации, дезорганизующей психику человека. Словом, это не злодеи по своим установкам, а рабы избыточных проявлений своего характера.

При хроническом алкоголизме хорошо выявляет портрет личности лаконичный тест Мини-СМИЛ (65 пунктов опросника). Профиль методики, близкий по параметрам тесту СМИЛ, показывает по шкалам достоверности выраженную ложь и не-откровенность, эго-защитную реакцию на обследование, механизм защиты сознания от нежелательной информации путем вытеснения (высокие шкалы лжи и коррекции, 1-й и 3-й при низкой 2-й), а также неконтролируемую импульсивность, асоциальную направленность (высокая 4-я шкала), легко возникающие вспышки гнева и агрессивности (6-я), завышенную самооценку и отсутствие критики в отношении своих высказываний и поступков, анозогнозию (отрицание алкоголизма как заболевания).

Если говорить о личностной predisпозиции к противоправному поведению вне грубой патологии, то в первую очередь следует обратить внимание на изначально избыточную агрессивность как врожденное свойство. Если агрессивность является одной из ведущих тенденций в структуре личности, то она лежит в основе тех антисоциальных форм реагирования, которые могут привести к преступным действиям. Здесь необходимо подчеркнуть, что именно психодиагностика способна как прогнозировать такую predisположенность, так и ретроспективно обнаружить склонность к такого рода действиям [27]. Своевременно выявленные базисные свойства личности позволяют понять, где можно ожидать «прорыва» неадекватных реакций, а также подсказать варианты возможного усиления контроля у данной конкретной личности с помощью продуманных мер воспитательного характера и психологической коррекции. В связи с этим необходимо применение нескольких психодиагностических тестов, направленных на исследование разных уровней самосознания индивида, а главное – использование глубинных, проективных тестов. Именно такой подход даст возможность получить достоверные данные и убедительно покажет, с каким типом личности мы имеем дело.

Психодиагностические критерии predisпозиции к криминальным тенденциям

Показатели психодиагностических методик являются информативными и прогностически значимыми, так как они не только проливают свет на особенности поведения человека в спокойном состоянии, но и позволяют судить о том, какая тенденция может оказаться симптомо-образующей в экстремальных ситуациях [28; 30]. Так, личности с повышенной тревожностью склонны преувеличивать опасность ситуации. Состояние страха в сложной ситуации может вылиться в блокировку активности, в ограниченное поведение или паническое бегство. В то же

время в межличностных отношениях тревожные личности, как правило, совестливы, законопослушны и, даже оказавшись в силу обстоятельств в криминальной среде, лишь вынужденно подчиняются общим правилам сосуществования; могут добросовестно выполнять роль хранителей общих ценностей, помогать в осуществлении разных мер предосторожности, но сами на смелые или жестокие поступки не способны. Индивидуально-личностный опросник ИТО позволяет выявить данный тип личности с помощью высоких баллов по 7-й шкале (тревожность), так же значимы показатели тревожности по СМЛ, в формуле теста МПВ (Сонди) – $h+$, $s-$, $k-$, $hu-$ (сензитивность), психастенические (тревожно-мнительные) черты, противоположные свойствам сильного «Я», то есть личности, противопоставляющей окружающему миру свои стремление к самореализации и наступательность. Если же свойства сильного типа реагирования выражены избыточно и не уравновешены осторожностью, предостерегающей от опрометчивых поступков, то активность такого человека с большей степенью вероятности может проявляться криминальными действиями. Значимые признаки агрессивности – экстрапунитивный тип реагирования по данным ВФТ, $s+$! (садистические наклонности) в формуле теста МПВ, высокая шкала агрессивности по ИТО, S-ответы в тесте Роршаха, 7-й цвет на любой из первых трех позиций в МЦВ, высокие пики по 6-й шкале (враждебность, паранойяльность) в профиле СМЛ.

Сензитивность, выявляемая 6-й шкалой СМЛ и ИТО, по 5-й шкале в мужском профиле СМЛ, $h+$, $hu-$, $s-$ в формуле МПВ, 5-м цветовым эталоном на первых позициях МЦВ, тесно связана с повышенной и тонко дифференцированной чувствительностью человека в отношении различных нюансов средового воздействия, с реакцией на эмоциональную теплоту или холодность психологического микроклимата. Это индивидуально-типологическое свойство формирует зависимый паттерн характера и включено в структуру слабого типа реагирования, для которого характерна выраженная зависимость от поведения более сильной личности или реакций толпы. Поэтому личность данного типа, будучи вовлеченной в криминальную деятельность, ведет себя по отношению к группе конформно, даже если общая активность группы антисоциальна.

Напротив, спонтанность – это свойство, проявляющееся высокой поисковой активностью, лидерскими чертами и импульсивностью. Неконтролируемая спонтанность в экстремальной ситуации может привести к необдуманным и рискованным действиям, а в сочетании с агрессивностью представляет собой наиболее выраженный тип неконформного поведения и почву для формирования антисоциальных действий. Наблюдаются высокие баллы по 2-й шкале (спонтанность) в результатах обследования ИТО, высокая 4-я шкала в профиле (импульсивность) СМЛ, $r+$ в формуле МПВ (склонность к паранойяльной доминанте враждебности), $C > M$ (эмоции доминируют

над мыслительной активностью) в данных теста Роршаха.

Интроверсия представляет собой типологическое свойство, проявляющееся внешней пассивностью при высокой интрапсихической активности, и отражает стремление индивида к уходу в себя, мир своего «Я». У личности этого типа по данным психодиагностического исследования выявляются высокие баллы по шкале интроверсии ИТО, высокая 0-я шкала (чаще вместе с повышенной 8-й) в профиле СМЛ, мало или отсутствуют цветоформовые ответы по данным теста Роршаха, по МПВ (Сонди) – реакции $k+r-$!, в цветовом выборе 0-й цвет на I позиции, часто в сочетании с 5-м или 7-м. Личности этого круга скорее асоциальны, чем антисоциальны (то есть без враждебного компонента). В состоянии социально-психологической дезадаптации их реакции характеризуются иррациональным, непредсказуемым поведением или аутичностью, что чаще всего наблюдается среди наркоманов и бомжей [29].

Экстраверсия – противоположное интроверсии свойство, связанное с высокой внешней реактивностью и низкой интрапсихической активностью. Без адекватного баланса, который придает умеренная интровертированность по ИТО, избыточная экстраверсия проявляется неразборчивой и поверхностной общительностью, отсутствием опоры на опыт и светлым, неконструктивным поведением. Проступки личностей данного типа большей частью связаны с раздражительной активностью, для которой примером может служить настоящий преступник, умело манипулирующий настроением и поведением преданных ему инфантильных личностей (как лидер среди подростков) [29].

Эмоциональная лабильность – индивидуально-типологическое свойство, в основе которого лежит нервно-психическая неустойчивость, проявляющаяся изменчивостью эмоционального настроения и активности в зависимости от установок референтной группы. Личности данного типа склонны драматизировать ситуацию и тем самым оказывать эмоциональное воздействие на окружающих. Их преступления чаще носят аморальный характер. Артистизм и умение перевоплощаться являются основой их криминальной активности. Психодиагностические признаки – пик по 3-й шкале СМЛ, высокие баллы по шкале эмоциональной лабильности в ИТО, преобладание образов животных и игрушек в тесте Роршаха при $C > M$, 4-й цвет в сочетании с 5-м на первых позициях цветового выбора, $hu+$, $m+$! в формуле МПВ.

Ригидность представляет собой субъективный и самоутверждающийся тип реагирования. В противовес эмоциональной лабильности ригидность базируется на тугоподвижности нервных процессов вне стресса и взрывных реакциях в ситуации, вызывающей раздражение и гнев. Поведение ригидных личностей характеризуется отсутствием гибкости в сложных ситуациях, легко вспыхивающей враждебностью, трудностью переключения в быстро меняющихся условиях. К совершению наиболее жестоких

и корыстных преступлений чаще всего оказываются причастны именно личности с высокой ригидностью в сочетании с иррациональностью. Профиль СМИЛ у них отличается высокими пиками по 6-й шкале, чаще всего в сочетании с высокими 8-й и 4-й шкалами; наблюдаются высокие баллы по шкале ригидности (ИТО), е-! в сочетании с s+ в формуле МПВ, оппозиционность и стереотипия в ответах по тесту Роршаха.

Природно заложенные базовые свойства характера заостряются и становятся причиной затрудненной социально-психологической дезадаптации в подростковый период развития личности. Едва намечившиеся контуры цельной личности подвергаются двустороннему воздействию – изнутри и снаружи. Мощный всплеск выбрасываемых в кровотоки гормонов, бурное развитие признаков половой принадлежности, пробудившийся сексуальный интерес при отсутствии привитой культуры любовных отношений приводят порой к уродливым формам поведения при контактах с противоположным полом.

Представители тормозимого типа замыкаются в себе, отгораживаются, ведут себя угловато, неуклюже, проявляют негативизм в присутствии особ другого пола, испытывают комплекс неполноценности. Гипертимные, возбудимые личности, напротив, ведут себя в этой ситуации то нарочито нагло и демонстративно, то агрессивно и запальчиво. Их сексуальная озабоченность принимает иногда уродливые формы. У них нет опыта правильного понимания смысла и ценности интерессексуальных контактов, а также их физиологических и социальных последствий. Таково же их отношение к курению и алкоголю: чем более запретным представляется им это занятие, тем сильнее их к нему тянет. Изменение очертаний фигуры и лица, ломка голоса, характерные для 13–15 лет, нарушают привычный образ «Я». Уже не ребенок, еще не взрослый, подросток мучительно ищет образ своего нового «Я» – и не скоро его находит. Избыток физической энергии, высокая поисковая активность с тенденцией к самореализации сталкиваются с проблемой освоения новой социальной роли, связанной со вступлением во взрослую жизнь, представление о которой зиждется на книжных сведениях, на «истинах», почерпнутых из кинофильмов и с телеэкранов, и на той модели социума, которую подросток видит в своем окружении, – семье, школе, дворе. Еще только вступая во взрослую жизнь, на ее пороге подросток испытывает на себе противоречивость существующей в его сознании «идеальной» модели мира и реальной действительности. Чем больше различаются они между собой, тем больше проявляется тот когнитивный диссонанс, который по-разному переживается различными по своим личностным особенностям подростками. У большинства этот стресс сопровождается горькими разочарованиями, ломкой самосознания, изменением или обновлением субъективного образа «Я» в связи с новым пониманием своего места в окружающем мире, протестными реакциями против авторитарного тона взрослых, тенденциями к низвержению идеалов старшего поколения.

В эпоху перемен и социальных пертурбаций, когда прежняя идеология и ценности рушатся, а новые идеалы еще не сформированы, модель социально желательной личности оказывается разрушенной и искаженной. У молодого, нарождающегося поколения особенно остро проявляются разочарованность, нигилизм, негативное отношение к окружающим взрослым, бунтарские тенденции с отрицанием любых авторитетов. Фиксируется высокий профиль по шкалам импульсивности, индивидуалистичности, ригидности, противоречивое сочетание надежды на успех и амбициозности с пессимистичностью в методике СМИЛ (шкалы, показатели которых выше верхней границы нормативного разброса, закодированный профиль, показывающий высокие пики по шкалам, *49826'–/0), что говорит о неустойчивой самооценке, воинствующем индивидуализме и обостренном упрямстве; выбор цветов 7-го и 3-го на первых позициях; s+!! – (склонность к жестокости) и m–!! – (неадекватная самооценка) по МПВ (Сонди). Эти данные предупреждают о возможности непредсказуемых поступков. В такой момент героем в глазах подростка может стать антисоциальная личность, а ценности уличной группы сверстников могут обрести наибольшую значимость и увести его в сферу противоправных действий.

На фоне жестокой ломки привычных с детства стереотипов и столкновения с правдой реальной жизни могут возникнуть мысли о самоубийстве (закодированный профиль СМИЛ 2"4'–/9; выбор МЦВ 6 0 7 5 2 3 4 1 или 7 0 6 5 4 1 3 2; s–!!!, негативный выбор портретов вектора S (мазохизм, самоуничужение), hu–!! (истерические проявления), k–! (повышенная внушаемость), d–m±, m–! (признаки депрессии) в формуле МПВ (Сонди), могут появиться пагубные привычки и пристрастия, а также совершаться поступки, которые подпадают под дефиницию антисоциальных. Эти данные подтверждают мнение о том, что девиантное поведение подростков в своей основе – результат неправильного воздействия на них социального окружения. Дисгармоничные отношения в семье, недостаток внимания к проблемам формирующейся личности подростка, отсутствие тепла и понимания, репрессивный характер воспитательных мер, карательный подход в выборе педагогических методов воздействия нередко приводят к тому, что подросток и в семье, и в школе оказывается «плохим». Заниженная самооценка – состояние, невыносимое для нормального существования личности, его развития, что и вынуждает подростка идти туда, где он «хороший», где ему говорят: «Славный парень, здорово играет на гитаре!», «Молодец, пьешь и куришь – как мы!», «Здорово, что стянул у отца сотню, пойдём, выпьем пива!». Это льстит самолюбию подростка, и он идет в дворовую компанию, где его поощряют и многому научат.

Следует иметь в виду, что проступки подростков иницируются не столько стремлением нарушить правила жизни, сколько спонтанным, неконтролируемым самоутверждением без учета тех последствий, к которым такая самореализация ведет. Это обяза-

тельно должно приниматься во внимание и служить смягчающим обстоятельством при решении дальнейшей судьбы нарушившего закон подростка. Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что агрессивность как личностная особенность не является генетически предопределяющим фактором преступного криминально опасного поведения. К антисоциальным тенденциям в определенных условиях приводит неустойчивость эмоциональной сферы слабо интегрированной личности при повышенной спонтанности (импульсивности) в сочетании с агрессивностью; чаще всего при незрелой структуре личности, у которой не сформировался самоконтроль и осталась неразвитой эгоцентрично-примитивная иерархия ценностей, когда моральные устои окружения не оказывают должного влияния на личность, так как воспринимаются как лицемерие и ложь, а внутриличностная нравственность еще не сформирована.

Психодиагностические критерии криминальных наклонностей

Работа по изучению криминальных наклонностей проводилась совместно с лабораторией профессора А. Р. Ратинова [9] (Институт предупреждения преступности). Обобщенные (усредненные) данные психодиагностических исследований отдельных лиц, объединенных в репрезентативные группы по типу совершенных преступлений, позволили выделить типичные для каждой группы личностные паттерны. Условные обозначения обследованных групп были связаны с характером преступления: «хулиганы», «грабители», «разбойники», «убийцы» и «расхитители государственной собственности». Усредненный профиль группы «хулиганов» (4'9'–/270) почти полностью совпадал с профилем, типичным для подростков с гипертимной акцентуацией, что в общих чертах соответствует жизненным наблюдениям: именно подростки чаще всего хулиганят, а хулиганство как вид противоправного поведения характерно для индивидов с гипертимным типом реагирования при выраженной эмоциональной незрелости.

Средний профиль группы «грабителей» отличался от «хулиганского» меньшей импульсивностью, но большей корыстностью и враждебностью (профиль СМЛ 64'98–/5, 6'4'98–/5). Усредненные профили «разбойников» проявляли сходство с группой как «грабителей», так и «убийц», по высоте занимая также промежуточное место (68'4'9–/75). Средние данные СМЛ в группе «убийц» отличались еще более выраженной агрессивностью, иррациональностью, эмоциональной жесткостью (профиль *8'64'9–/75). В связи с крайне заостренным индивидуализмом, проявляющимся в основном чрезвычайно низкой психологической совместимостью с другими людьми, эмоциональной холодностью при легко загорающейся враждебности, перерастающей в разрушительную агрессию, они не тяготеют к объединению в группы.

Для всех групп правонарушителей, по данным СМЛ, оказалась характерной завышенная позитивная самооценка (каждый из них к себе как к личности

относился без всякого унижения), а свои агрессивные действия по отношению к другим они полностью оправдывали тем, что окружающий мир жесток и несправедлив и что их действия носили характер самозащиты или мести за все те злоключения, которые выпали на их долю. Это психология «степного волка», так убедительно очерченная Г. Гессе в его одноименном романе. Проблемы этого типа людей уходят корнями в те социальные условия, которые на определенном этапе фрустрировали насущную для стеничных личностей потребность в положительной самооценке при отсутствии необходимых позитивных атрибутов, позволяющих им утвердиться в данном мнении. Не имея реальной возможности в социально приемлемом самоутверждении, они используют антисоциальный путь самореализации, разрушительный «путь Герострата». По типологии это личности гипертимного типа с эксплозивными чертами, высокой спонтанностью и свойствами экспансивно-шизоидной акцентуации (или с аналогичными психопатическими чертами, так как именно психопатические личности больше склонны к дезадаптации по антисоциальному типу, особенно при наличии патологии влечений; тогда агрессия несет на себе отпечаток избыточной или извращенной сексуальности). В основе формирования такого рода тенденций часто обнаруживались органически измененная почва (травмы головного мозга, ранняя алкоголизация – иногда еще в утробе матери, наркомания, инфекции, производственная интоксикация) и дефицит эмоционального тепла в раннем детстве.

Интересные результаты дало изучение той группы правонарушителей, которая обозначена как «расхитители государственной собственности». Если на имущество и жизнь людей покушаются слабо интегрированные, эмоционально незрелые психопатические личности, то государственное имущество растаскивают совершенно нормальные люди, усредненный профиль которых более спокойный, чем средние данные по России в целом. Он весь находится в коридоре сбалансированной нормы, и лишь незначительное повышение 6-й шкалы СМЛ (в пределах 58–60Т) в профиле, лишенном признаков дезадаптации и стресса, говорит о том, что это не просто «нормальные» личности, это тот тип сверхадаптивного обывателя, который хорошо приспосабливается к любым условиям. При этом их лишенный богатого воображения и фантазии, однако весьма практичный ум помогает все хорошо просчитать и, используя накопленный опыт и знания, найти в законодательстве те «щели», которые позволят долгое время обходить законы и набивать собственные карманы, нисколько не опасаясь возмездия. Бесстрашие их до ареста и беззаботность после разоблачения обусловлены тем, что они все спланировали надолго вперед. Размеры награбленного позволяют рассчитывать на безбедное существование семьи «расхитителя» после его ареста, а ему самому – на вполне сносное отбывание срока с богатыми передачами, которых хватит на ближайшее окружение и (вполне возможно)

на досрочное освобождение. А после освобождения его ждут сбереженные членами семьи «накопления», что гарантирует успешную социальную реадaptацию. Самоуважение у личностей данного типа прямо пропорционально их представлению о собственном материальном благосостоянии, поэтому у них сохраняется позитивная самооценка. Социально-правовая база каждой эпохи невольно формирует определенный стиль противоправной деятельности. Если агрессивные преступления по своей социально-психологической сущности обнаружили сходство с теми же проблемами за рубежом, то противоправные действия, связанные с законами экономики страны, достойны этих законов и этой эпохи. В данную группу оказались включенными также те расторопные хозяйственники 1980–1989 гг. – уравновешенные, гармоничные личности с легким налетом авантюризма (ведущие в линейном профиле шкалы – 4-я, 9-я и 6-я), которые проявляли предприимчивость, вытаскивая свое производство из статуса убыточного, пытались подправить неразумное законодательство и самостоятельно выйти на межпроизводственные экономически выгодные контакты, минуя государственный контроль. Те из них, кому довелось дожить до наших дней, теперь, скорее всего, преуспевают в качестве предпринимателей.

Связь противоправного поведения с социальными условиями

Выявляя причины противоправного поведения, следует учитывать некоторые факторы, которые связаны с кругом общения (особенно это относится к подросткам), особенности семейных условий, экономическое положение, наличие судимости у отца или матери. В этих случаях психодиагностика отражает черты одиночества, безлюбного детства, комплекса неполноценности (фактора в минусе, повышенная 2-я и 7-я шкалы СМЛ, высокие 6-я и 7-я шкалы в ИТО). Данные психодиагностического исследования в сравнительном анализе с эмпирическими наблюдениями со всей очевидностью показывают связь (или даже обусловленность) противоправного поведения с влиянием социального фактора как в виде ближайшего окружения, так и созвучно общим тенденциям в разные эпохи, что позволяет в ряде случаев рассматривать преступление не только по последствиям, но и с точки зрения психологических особенностей развития и становления личности в своем социальном окружении.

Заключение

Материалы научных исследований на достоверном уровне показывают, что преступники с явно выраженными криминальными наклонностями в условиях отбывания наказания находят среду обитания во многом соответствующей их потребностям (проявление высвобожденных примитивных влечений, отреагирование агрессивных эмоций, торжествующий беспредел и хамство в межличностных отношениях), в то время как другая группа осужденных, с преобладанием личностных черт не-агрессивной окраски, тревожностью, уступчивостью по при-

роде, готовая к исправлению, привыкшая к другим нормам социальных отношений, оказывается поработанной, униженной, забитой физически и морально.

Естественно, закон пишется, исходя из общих правил и положений. Существует формальная сторона этой ситуации, не имеющая в своем арсенале таких нюансированных подходов, которые бы учитывали психологические оттенки человеческих ситуаций и переживаний. Но, если общество находится на гуманной позиции, если во главе угла стоит задача оградить правопослушное население от преступности, значит ли это, что гуманизм кончается, когда речь идет о переходе людей из одной категории (правопослушных) в противоположную (правонарушители)? Сразу ли их следует записывать в злодеи и обрушивать на них всю силу карательных служб? А оно так и происходит. Укрavший (с голоду) булку и просчитавшийся бухгалтер, понюхавшая впервые марихуану девушка и превысивший необходимую степень обороны хозяин дома, избивший грабителя попадают в исправительные учреждения с закоренелыми преступниками с искаженной моралью и представлением о нормах межличностного взаимодействия с позиции мести человечеству за судьбу, в которой они винят всех, кроме себя.

Научно доказанный гомеостаз – это обеспеченная природой синхронность взаимодействия всего организма, согласованная работа всех органов человека. Нарушение в одном из них приводит к нарушению деятельности всей содружественной деятельности органов и обмена веществ (метаболизма). В ряде случаев в основе противоправного поступка лежат стечение неблагоприятных условий, возрастные особенности (подростковые реакции незрелой личности), угроза жизни или общий фон эпохи, что создает криминогенные предпосылки поведению человека, нарушающего закон. Таких случаев немало, не говоря уже о преднамеренных провокациях со стороны злоумышленников и мошенников, что должно быть поводом к дифференцированному размышлению правонарушителей в местах отбывания наказания.

Когда органы исполнения наказаний решают судьбу осужденных, следовало бы чаще принимать во внимание разницу между преступником, преднамеренно и жестоко осуществляющим криминальные действия, и личностью, не по собственной воле, не преднамеренно преступившей закон, по глупости, по чужой вине или в силу неудачного совпадения обстоятельств, когда поведение обусловлено искаженными или извращенными социальными отношениями. Ведь их совместное существование в колониях вместе с убийцами, грабителями и рецидивистами не принесет ни раскаяния, ни исправления, а только ожесточит, пробудит в них агрессию и сформирует криминальную направленность. То же можно сказать о юных преступниках, для которых первая судимость переживается как крушение всей жизни, перспектив карьеры, семьи и т. д. Но это редко учитывается, и

отношение к любому осужденному исходит из формулировки приговора, в котором далеко не всегда упоминаются особые обстоятельства. А это не справедливо и не гуманно. Особенно чревата негативными последствиями ситуация, когда надзирающий состав и некоторые руководители используют осужденных, потерявших человеческий облик, как своих помощников в укрощении общей массы заключенных. Тюрьма не должна быть кузницей криминализации общества. Преступники с разрушенной позитивной самооценкой, с утратой чувства собственного достоинства вряд ли найдут в себе силы восстановиться. Как сказал великий психолог и психотерапевт К. Роджерс, человек не может чувствовать себя полноценным членом социума, если он не обладает позитивной самооценкой. Педагоги готовы усилить влияние на заключенных в целях исправления их криминальной направленности. Но эти усилия принесут больше пользы, если их направить на *воспитание надзирающего состава*. Им нужно объяснить, что осужденные – это несчастные люди, обреченные на длительную изоляцию и ограничения, которым нужна моральная поддержка и человеческое обращение,

чтобы раскаяться в содеянном и сохранить свое «Я» во имя будущего.

В заключение отметим, что человечество заинтересовано в избавлении от криминала путем улучшения службы исполнения наказаний. Результаты усилий отдельных стран (преимущественно по улучшению санитарно-гигиенических условий) в какой-то мере позитивно сказываются на общем микроклимате тюремного сообщества. Но этого мало. Если пенитенциарные службы по-прежнему будут сосредоточены на карательных мерах, то это не даст снижения уровня криминальности в обществе (возможно даже наоборот). По нашему мнению, дифференцированный подход к лицам, преступившим закон, с учетом их индивидуально-личностных особенностей, степени криминальной опасности проступка и вреда, нанесенного социальному окружению, должен лежать в основе определения срока и условий отбывания наказания. В этом видим миссию психолога уголовно-исполнительной системы и готовы вместе с сотрудниками Института прикладной психологии повышать уровень профессиональной подготовки практических психологов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М., Бовин Б. Г., Чернышкова М. П. Работа с осужденными за убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на основе их социально-демографических, уголовно-правовых и индивидуально-психологических характеристик : метод. рекомендации. М., 2016. 71 с.
2. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Психологические особенности коррупционных преступников // Психология и право. 2018. Т. 8, № 2. С. 15–34.
3. Собчик Л. Н., Спасенников Б. А., Кулакова С. В. Криминологические аспекты агрессивности // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 209–225.
4. Мятяш М., Сопов В. Моральна шкода. Киев, 2018. 79 с.
5. Собчик Л. Н., Ефремова Г. Х. Личность и криминальные наклонности // Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. тр. М., 1979. С. 57–62.
6. Собчик Л. Н., Славинская Ю. В. Психодиагностические критерии оценки криминальных наклонностей // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 6–23.
7. Собчик Л. Н. Психодиагностика криминальных наклонностей // Коченовские чтения «Психология и право в современной России» : сб. тезисов участников всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участием. М., 2016. 339 с.
8. Собчик Л. Н. Концептуальный подход в психодиагностике личности // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса : сб. материалов III Всерос. конф. по психодиагностике : в 2 т. Челябинск, 2015. Т. 1. С. 283–286.
9. Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования : моногр. Красноярск, 1988. 256 с.
10. Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
11. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2018. 489 с.
12. Собчик Л. Н. Диагностика психологической совместимости. СПб., 2002. 75 с.
13. Собчик Л. Н. Психодиагностика в профориентации и кадровом отборе. СПб., 2003. 66 с.
14. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики : практ. руководство. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 2018. 599 с.
15. Собчик Л. Н. Управление персоналом и психодиагностика : практ. руководство. М., 2008. 184 с.
16. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СММЛ – адаптированный тест ММРЛ. Методы психологической диагностики : метод. пособие. М., 1990. 74 с.
17. Собчик Л. Н. Стандартизированное многофакторное исследование личности СММЛ (ММРЛ) : моногр. СПб., 2022. 191 с.
18. Dahlstrom W. G., Welsh G. S. An MMPI handbook: a guide to use in clinical practice and research. Minneapolis, 1960. 559 p.
19. Собчик Л. Н. Многофакторный личностный тест ММРЛ // Физиологические корреляты психической деятельности : материалы науч. конф. Курск, Вып. 1. 1971. С. 115–118.
20. Собчик Л. Н. Пособие по применению психологической методики ММРЛ : метод. пособие. М., 1971. 61 с.
21. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник : практ. руководство. М., 2010. 59 с.
22. Собчик Л. Н. Метод цветовых выборов : практ. руководство. М., 2009. 100 с.
23. Собчик Л. Н. Практическое руководство по психодиагностике. Вербальный фрустрационный тест. СПб., 2002. 20 с.

24. Собчик Л. Н. Метод портретных выборов, модифицированный тест восьми влечений Л. Сонди. М., 2006. 118 с.
25. Собчик Л. Н. Рисованный апперцептивный тест. СПб., 2002. 16 с.
26. Белый Б. Т. Тест Роршаха. Практика и теория. СПб., 1992. 200 с.
27. Собчик Л. Н. Диагностика межличностных отношений. М., 2010. 52 с.
28. Собчик Л. Н. Искусство психологической диагностики // Психологическая диагностика. 2014. № 2. С. 76–95.
29. Клинико-психологические особенности легких форм реактивных состояний / Л. Н. Собчик, Б. В. Шостакович, Я. Е. Свириновский, З. С. Гусакова, Н. К. Харитоновна // Невропатология и психиатрия. 1985. № 4. С. 579–583.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Bovin B.G., Chernyshkova M.P. *Rabota s osuzhdennymi za ubiistva i umyshlennoe prichinenie tyazhkoogo vreda zdorov'yu na osnove ikh sotsial'no-demograficheskikh, ugovovno-pravovykh i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik: metod. rekomendatsii* [Work with convicts convicted of murder and intentional infliction of serious harm to health on the basis of their socio-demographic, criminal law and individual psychological characteristics: methodological recommendations]. Moscow, 2016. 71 p.
2. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psychological features of corruption criminalsю *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 15–34. (In Russ.).
3. Sobchik L.N., Spasennikov B.A., Kulakova S.V. Criminological Aspects of Aggression. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 209–225. (In Russ.).
4. Myatyash M., Sopov V. *Moral'na shkoda* [Moral wild child]. Kiev, 2018. 79 p.
5. Sobchik L.N., Efremova G.Kh. Personality and criminal tendencies. In: *Lichnost' prestupnika kak ob'ekt psikhologicheskogo issledovaniya: sb. nauch. tr.* [Criminal personality as an object of psychological research: collection of scientific]. Moscow, 1979. Pp. 57–62. (In Russ.).
6. Sobchik L.N. Slavinskaya Yu.V. Psychodiagnostic criteria for assessing criminal tendencies. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.).
7. Sobchik L.N. Psychodiagnostics of criminal tendencies. In: *Kochenovskie chteniya: vseros. konf. po yurid. psikhologii s mezhdunar. uchastiem* [Kochenov readings: All-Russian conference on legal psychology with international participation]. Moscow, 2016. 339 p. (In Russ.).
8. Sobchik L.N. Conceptual approach in personality psychodiagnostics. In: *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: sb. materialov III Vserossiiskoi konferentsii po psikhodiagnostike. Ch. 3* [Modern psychodiagnostics of Russia. Crisis resolution: proceedings of the 3d All-Russian conference on psychodiagnostics. Part 3]. Chelyabinsk, 2015. Pp. 283–286. (In Russ.).
9. Efremova G.Kh., Ratinov A.R. *Pravovaya psikhologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya: monogr.* [Legal psychology and criminal behavior. Theory and methodology of research: monograph]. Krasnoyarsk, 1988. 256 p.
10. Enikolopov S.N. Aggression concept in modern psychology. *Prikladnaya psikhologiya = Applied Psychology*, 2001, no. 1, pp. 60–72. (In Russ.).
11. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki* [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics]. Saint Petersburg, 2018. 489 p.
12. Sobchik L.N. *Diagnostika psikhologicheskoi sovместимости* [Diagnosis of psychological compatibility]. Saint Petersburg, 2002. 75 p.
13. Sobchik L.N. *Psikhodiagnostika v proforientatsii i kadrovom otbore* [Psychodiagnostics in career guidance and personnel selection]. Saint Petersburg, 2003. 66 p.
14. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki: prakt. rukovodstvo* [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics: practice guideline]. Saint Petersburg, 2018. 599 p.
15. Sobchik L.N. *Upravlenie personalom i psikhodiagnostika: prakt. rukovodstvo* [Personnel management and psychodiagnostics: practice guideline]. Moscow, 2008. 184 p.
16. Sobchik L.N. *Standartizirovannyi mnogofaktorny metod issledovaniya lichnosti SMIL – adaptirovannyi test MMRI. Metody psikhologicheskoi diagnostiki: metod. posobie* [Standardized multifactorial method of personality research SMPI – adapted MMRI test. Methods of psychological diagnosis: methodological guideline]. Moscow, 1990. 74 с.
17. Sobchik L.N. *Standartizirovannoe mnogofaktornoe issledovanie lichnosti SMIL (MMPI): monogr.* [Standardized multifactorial personality study of SMPI (MMPI): monograph]. Saint Petersburg, 2022. 191 p.
18. Dahlstrom W.G., Welsh G.S. *An MMPI handbook: a guide to use in clinical practice and research*. Minneapolis, 1960. 559 p.
19. Sobchik L.N. Multifactorial personality test MMRI. In: *Fiziologicheskie korrelyaty psikhicheskoi deyatel'nosti: materialy nauch. konf. Vyp. 1* [Physiological correlates of mental activity: materials of scientific conference. Issue 1]. Kursk, 1971. Pp. 115–118. (In Russ.).
20. Sobchik L.N. *Posobie po primeneniyu psikhologicheskoi metodiki MMRI: metod. posobie* [Handbook on the application of the psychological methodology MMRI: teaching aid]. Moscow, 1971. 61 p.
21. Sobchik L.N. *Individual'no-tipologicheskii oprosnik: prakt. ruk.* [Individual Typological Questionnaire: practice guideline]. Moscow, 2010. 34 p.
22. Sobchik L.N. *Metod tsvetovykh vyborov: prakt. rukovodstvo* [Color Selection Method: practice guideline]. Moscow, 2009. 100 p.
23. Sobchik L.N. *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhodiagnostike. Verbal'nyi frustratsionnyi test* [Practical guide to psychodiagnostics. Verbal Frustration Test]. Saint Petersburg, 2002. 20 p.
24. Sobchik L.N. *Metod portretnykh vyborov, modifitsirovannyi test vos'mi vlechenii L. Sondii* [Portrait Choice Method, modified Test of Eight Drives by L. Szondi]. Moscow, 2006. 118 p.
25. Sobchik L.N. *Risovannyi appertseptivnyi test* [Drawn Apperceptive Test]. Saint Petersburg, 2002. 16 p.

26. Belyi B.T. *Test Rorshakha. Praktika i teoriya* [Rorschach test. Practice and theory]. Saint Petersburg, 1992. 200 p.
27. Sobchik L.N. *Diagnostika mezhlchnostnykh otnoshenii* [Diagnostics of interpersonal relations]. Moscow, 2010. 52 p.
28. Sobchik L.N. The art of psychological diagnostics. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2014, no. 2, pp. 76–95. (In Russ.).
29. Sobchik L.N., Shostakovich B.V., Svirinovskii Ya.E. et al. Clinical and psychological features of mild forms of reactive states. *Nevropatologiya i psikhiatriya = Neuropathology and Psychiatry*, 1985, no. 4, pp. 579–583. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА СОБЧИК – доктор психологических наук, профессор, академик Московской психотерапевтической академии, член-корреспондент Международной академии информатизации, почетный профессор Всероссийского сообщества психологов, социологов и психотерапевтов, генеральный директор Института прикладной психологии, Москва, Россия, luniso@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-5915>

LYUDMILA N. SOBCHIK – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Academician of the Moscow Psychotherapeutic Academy, Corresponding Member of the International Academy of Informatization, Honorary Professor of the All-Russian Community of Psychologists, Sociologists and Psychotherapists, Director General of the Institute of Applied Psychology, Moscow, Russia, luniso@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-5915>

Статья поступила 05.01.2024